

Неоконченное соло для механических часов

• Анатолий БЕРШТЕЙН, обозреватель

Леонид Исидорович Мильграум отнесся к моему визиту без удовольствия. Потребовалось пять минут ностальгических воспоминаний, чтобы получить разрешение на свободное передвижение в пределах школы, посещение уроков и высочайшую аудиенцию.

Его заместитель, учитель английского языка, работающий с Мильграумом более 30 лет, Александр Захарович Бессмертный рассказывал, что, когда он впервые познакомился с Мильграумом, поразился, что тот был в остроносых ботинках: «Это было, что сейчас прийти в школу без штанов. И я понял — этот человек может все»

ду — не народное, а истинно национальное произведение.

Затем ученики читали наизусть стихи Некрасова. И впервые я слышал, чтобы за прекрасную деклamation, без сучка и задоринки, «с выражением», не ставилась отличная оценка. И объяснялось — почему. Потом, не помню, было что-то еще. И вот осталось пять минут

до звонка, и кто-то выкрикнул: «Феликс Александрович, почитайте что-нибудь». «Что?», — привычно спросил Раскольников. «Цветаеву, Ахматову, Пастернака...», — понеслось со всех сторон. (Напомню — шел 1973 год). И Раскольников начал читать стихи. Класс внимательно молчал. Прозвенел звонок. никто даже не свистнул.

компонент, элемент образования. Сильные предметники есть по всем учебным дисциплинам. Мильграум никогда не боялся брать в школу талантливых, ярких людей, не обязательно даже из педагогов. Он не тревожился, что сам может несколько потускнеть на их фоне. Больше всего он опасался, что без таких людей потускнеет школа.

Традиция сохраняется: и сейчас в школе много интересных, знающих, способных учителей. Но что-то не совсем так...

На уроке истории в 10-м классе у Анатолия Павловича Шикмана, признанного авторитета, возможно, имеющего высший рейтинг популярности у старшеклассников, ученики распевали «Красно и золото»

Он привык стоять у дверей школы на первом этаже, чтобы ученики не опаздывали. Сейчас он делает это значительно реже. А опаздывать стали чаще. Сбивается ритм, отложенный механизм... Бродят по 45-й новые идеи, новые люди, новое время.

такой отзыв об этой школе: «Кажется, что ученики вовлечены в процесс обучения с редким сочетанием дисциплины и свободы». Точно подмечена еще одна отличительная мильграумовская черта.

Леонид Исидорович — замечательный консерватор. В том, буквальном, прекрасном смысле слова: человек, умеющий сохранить лучшие традиции, придерживаться годами проверенных канонов, столбовых устоев. По сути же, он хочет сохранить школу как качественное учебное и воспитывающее заведение, а не только как клуб общения. И для этого нужны порядок, дисциплина. Он привык стоять у дверей школы на первом этаже,

и впереди — это смены и пе-

Мое знакомство с Мильграмом состоялось в начале 70-х, когда проходил институтскую педагогическую практику. И тогда уже легендарный директор 45-й мог действительно все: принимать у себя в школе председателя Коммунистической партии США и брать на работу учителей из разогнанной по идеологическим соображениям знаменитой 2-й математической.

Я пришел на урок к Феликсу Александровичу Раскольникову, учителю литературы в 9-й класс. Сел, как полагается, за последнюю парту, достал блокнот, приготовился записывать, что полагалось. Вначале Раскольников комментировал ученические сочинения по «Евгению Онегину». Ясно, просто, немного иронично. Объяснял, что народность произведения означает не более, чем то, что оно написано о народе, для народа и понято народом. С этой точки зрения факт, что «Ярём он барыни старинной оброком легким заменил», ничего не доказывает. И Белинский, наверное, говоря о «Евгении Онегине», в первую очередь имел в виду

Если бы меня спросили, кого я считаю своим учителем, я назвал бы учителя истории и обществоведения 45-й Дмитрия Захаровича Романова. Он был высок, сух, старомоден. Говорил тихим, специфическим голосом (болезнь горла), но в классе была идеальная тишина. Он учил логически мыслить, понимать, любить историю. Будучи одним из первых методистов в Москве, урок оценивал по качеству знаний, умению их изложить, импровизации, а не по методическим приемам или хронометрированию. Именно Дмитрий Захарович сказал мне как-то: «Учитель может не подготовиться к уроку, забыть что-то, ошибиться, быть в плохом настроении, уставшим, раздраженным, но он не имеет права единственно — на глупость».

К сожалению, Романов умер, Раскольников давно уехал из страны.

Блестящие, замечательные учителя, дающие отличные знания, — фирменный, товарный знак 45-й. Многие ее выпускники поступают не в языковые вузы. Для них английский язык — прагматический

обсуждали вопросы строительства Советского государства после Октябрьской революции. Урок-опрос проходил на некую игру, где был ведущий и участники, многие из которых как бы случайно приглашены, но, оказавшись среди публики, воспитанно отвечали на вопросы. Их ответы как бы неглупы, но поверхностны. Они частенько пытались спорить, но создавалось впечатление, что ради гимнастики ума. Учителя, безусловно, намного больше интересовал предмет разговора.

И в 11-м классе, где Анатолий Павлович читал интересную лекцию о Петре I, мне казалось, что его эмоциональность несколько осталась недостаточной страстью слушателей.

Проблема для школы не нова, драма многих прекрасных учителей: их образованность, интеллект, энергия как бы скользят по поверхности, проходят по касательной к их ученикам. Для него — вся жизнь, для них — экзамены.

Американская учительница, немного работавшая в 45-й, оставила

такой отзыв, на который я реагировал, чтобы ученики не опаздывали. Сейчас он делает это уже значительно реже. А опаздывать стали чаще. Он переживает по этому поводу. Его беспокоит, что в школьном расписании появляются «окна», и дети могут просто болтаться по школе или приходить «ко второй паре». «Это же не институт, а школа», — заявляет он резонно. Сбивается ритм, режим, отлаженный механизм работы.

Мильграм всегда шел навстречу новому: в 45-й проходило организационное собрание зарождавшегося Творческого союза учителей; шумела «Эврика»; учителя работают по своим программам; в старших классах — разнообразная специализация по выбору; самоуправление; выходит бесцензурная ученическая газета... Но школьная форма в школе есть. И несмотря на то, что объясняется это соображениями социальной этики, выглядит, как последний оплот.

Есть часы самозаводящиеся: если на руке все время носишь, не снимая, то порядок — идут. Механические нужно постоянно подзаряжать.

лам приходит страшный прагматизм». «Если школа не будет дратиться за души, будет катастрофа».

В этом весь Мильграм: ответственный директор, беспокойный учитель, независимая личность.

Он прекрасно понимает, что, когда уйдет с поста директора, его школа будет другая. Но борется: скрупулезно, придиричиво готовит себе замену, берет на работу бывших учеников, спорит с думающими о школе иначе коллегами.

Бродят по 45-й новые идеи, новые люди, новое время. Уходят старые учителя и их ученики. Но остается животворящий дух, атмосфера школы. Она родилась вместе с Мильграмом. Без него она невозможна?

...Когда я спрашивал учителей, когда удобнее всего застать Мильграма, чтобы более или менее спокойно поговорить, мне дружно отвечали: приходите утром, пораньше, до уроков, — он всегда в школе.